DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.02.02
УДК 327

ЭВОЛЮЦИЯ ИРАНО-АФГАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ОТ СИТУАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ К МНОГОВЕКТОРНОМУ БАЛАНСИРОВАНИЮ

ПОЧТА Юрий Михайлович
доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии,
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН)
E-mail: pochta-yum@rudn.ru
SPIN-код: 5600-3410
ORCID: 0000-0001-9600-2665

ИВАСЮК Вера Алексеевна
аспирант, факультет гуманитарных и социальных наук,
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН)
E-mail: ivasyukvera@yandex.com
SPIN-код: 7991-1560
ORCID: 0009-0009-9535-1025

Для цитирования: *Почта Ю.М., Ивасюк В.А.* Эволюция ирано-афганских отношений: от ситуативного взаимодействия к многовекторному балансированию // Ближний и Постсоветский Восток. – 2026. – № 2 (14). – С. 18–30. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.02.02.

Аннотация. В статье проведен анализ внешнеполитической стратегии Исламской Республики Иран в отношении Афганистана с использованием концепции омнибалансирования. Целью исследования является выявление того, каким образом логика сохранения государственности и властных позиций определяет подход Тегерана к комплексным угрозам и возможностям, порожденным сменой власти в Афганистане (приходом Талибана*). Результаты исследования свидетельствуют, что ключевым принципом политики Исламской Республики Иран выступает тактический прагматизм, нацеленный на обеспечение внутренней стабилизации. В рамках анализа были рассмотрены следующие инструменты стратегии: политика «управляемого напряжения» в отношении легитимации афганского

* Решением Верховного суда РФ от 17 апреля 2025 года запрет деятельности в стране движения «Талибан» был временно приостановлен.

режима; применение мягкой силы; развитие экономического взаимодействия с Афганистаном; участие в международном сотрудничестве по афганскому направлению, что позволяет ИРИ позиционировать себя как регионального лидера. В результате анализа установлено, что омнибалансирование демонстрирует тактическую эффективность в нейтрализации непосредственных угроз. Тем не менее его использование в качестве долгосрочной стратегии регионального лидерства сталкивается с двумя системными ограничениями: 1) риск кризиса доверия – стратегия усиливает зависимость от ситуативных компромиссов, подрывая долгосрочные обязательства; 2) реактивный характер – действия акторов определяются внешними вызовами, а не собственной инициативой.

Ключевые слова: Иран, Афганистан, омнибалансирование, Талибан, региональная безопасность, прагматизм, мягкая сила, ирано-афганские отношения.

The Evolution of Iran-Afghanistan Relations: From Situational Interaction to Multi-Vector Balancing

Yuriy M. POCHTA
DSc in Philosophy, Full Professor of the Department of Comparative Politics,
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
(RUDN University)
E-mail: pochta-yum@rudn.ru
SPIN-code: 5600-3410
ORCID: 0000-0001-9600-2665

Vera A. IVASYUK
PhD Student, Faculty of Humanities and Social Sciences,
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
(RUDN University)
E-mail: ivasyukvera@yandex.com
SPIN-code: 7991-1560
ORCID: 0009-0009-9535-1025

For citation: Pochta Yu.M., Ivasyuk V.A. (2026). The Evolution of Iran-Afghanistan Relations: From Situational Interaction to Multi-Vector Balancing. *Middle & Post-Soviet East*, no. 2 (14), pp. 18–30. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.02.02.

Abstract. This article analyzes the foreign policy strategy of the Islamic Republic of Iran toward Afghanistan through the lens of the omnibalancing concept. The study aims to identify how the logic of preserving statehood and power positions shapes Tehran's approach to the complex threats and opportunities arising from the change of regime in Afghanistan (the rise of the Taliban*). The findings indicate that

* By decision of the Supreme Court of the Russian Federation on April 17, 2025, the prohibition on the activities of the Taliban movement within the country was temporarily suspended.

the key principle of Iran's policy is tactical pragmatism aimed at ensuring internal stabilization. The analysis examines the following strategic instruments: the policy of "managed tension" regarding the legitimation of the Afghan regime; the use of soft power; the development of economic cooperation with Afghanistan; and participation in international cooperation on the Afghan track, which enables the IRI to position itself as a regional leader. The study concludes that omnibalancing demonstrates tactical effectiveness in neutralizing immediate threats. However, its use as a long-term strategy for regional leadership faces two systemic constraints: 1) the risk of a confidence crisis – the strategy increases dependence on situational compromises, undermining long-term commitments; 2) its reactive nature – the actions of actors are determined by external challenges rather than their own initiative.

Keywords: Iran, Afghanistan, omnibalancing, Taliban, regional security, pragmatism, soft power, Iran-Afghanistan relations.

Исламская Республика Иран, будучи одним из ключевых игроков на политической арене Южной и Центральной Азии, заявляет о своих претензиях на роль регионального лидера. Данное позиционирование находит свое отражение во внешнеполитическом дискурсе в форме историко-культурных нарративов и артикулируемых стратегических интенций. Влияние Исламской Республики Иран на страны Средней и Центральной Азии во многом обусловлено многовековым культурно-языковым и религиозным взаимодействием, особенно ярко проявившимся в период активизации политико-социальной роли этноконфессиональных общин. В рамках трансакционного подхода[1], где преобладают неформальные и ситуативные формы взаимодействия, Иран получает дополнительные возможности для продвижения своей стратегии. В результате государство, переживающее кризис и ограниченное внешнеполитическими рамками, получает два преимущества: снижение риска стигматизации режима и рост маневренности. Это позволяет Ирану претендовать на лидерство в регионе. В то же время внутренняя борьба элит, а вместе с тем протесты конца 2025 – начала 2026 гг., явившиеся индикатором кризисного перелома, лишают Иран возможности ведения независимой внешней политики, вынуждая направить ресурсный потенциал в русло внутренней стабилизации и сохранения государственной власти. Таким образом, Иран, находясь в тисках внутренней турбулентности и внешних угроз, вынужден сохранять баланс и укреплять внешнеполитические позиции в многополярном мире. Наиболее показательной сферой практической реализации данной стратегии выступает афганское направление.

[1] Мамедов Р. Дипломатия сделок: новая эра на Ближнем Востоке // Клуб «Валдай». – 30.01.2026. – URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/diplomatiya-sdelok-novaya-era-na-blizhnem-vostoke/ (дата обращения: 09.02.2026).

Афганистан: пространство угроз и возможностей

Установление власти Талибана повлекло за собой существенные изменения в стратегиях соседних государств и ведущих международных игроков, включая Российскую Федерацию, Китай и Саудовскую Аравию. Это привело к переоценке традиционных моделей взаимодействия и усилению прагматического подхода. Исламский Эмират Афганистан, где пересекаются внутренние и внешние угрозы, после августовских событий 2021 г. стал для Ирана полигоном многоуровневых вызовов, требующих от последнего отказа от прежних моделей взаимодействия. Анализируя ретроспективу отношений двух государств, мы находим ряд этнополитических и религиозных разногласий, вопросов демаркационного толка[2]. Ключевой причиной конфликтов стало распределение водных ресурсов, критически важных для региона. Новая веха развития двусторонних отношений ознаменовала сдвиг от конфронтации и идеологического соперничества к гибкой модели взаимодействия в ключевых уязвимых сферах – несмотря на сохраняющиеся идеологические расхождения[3].

По оценкам Ирана, установление власти Исламского Эмирата Афганистан привело к росту рисков: неконтролируемой миграции, транснационального терроризма и религиозного экстремизма. В условиях турбулентного внутриполитического состояния и отсутствия устойчивых государственных институтов в Афганистане вышеописанные угрозы приобретают не поддающийся контролю характер и дестабилизируют регион. С другой стороны, беря во внимание внешнеполитическую повестку обеих стран, можно предполагать, что Афганистан способен неформально примкнуть в качестве члена иранской «оси сопротивления» на основании антизападного контекста движения «Талибан» и выражаемой ими официальной поддержки населения частично признанной Палестины. Именно данные факторы предопределяют новые приоритеты иранской стратегии в афганском направлении, где явное сближение налагает ряд обязательств, осложняющих реализацию собственных национальных интересов Тегерана. Однако игнорирование или пассивное отношение к соседу впоследствии приведут к обострению противоречий, веками существующих между двумя странами. Проведенная грань ныне видится весьма зыбкой, но именно ей суждено сохранить баланс и сдерживать государства от деструктивных решений.

[2] Мачитидзе Г.Г. Иран – «Талибан»: сравнительный анализ этапов отношений // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2022. – № 6. – С. 112–123. – DOI: 10.31857/S086919080023373-7.

[3] Нессар О.М. Афгано-иранские отношения при талибской власти // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». – 2025. – № 6. – С. 84–104.

От балансирования к омнибалансированию: концептуальные основы иранской стратегии

В анализе иранской стратегии в отношении Афганистана используется концепция «омнибалансирования» (omnibalancing – букв. «всеобъемлющий баланс»). Она была разработана американским ученым Стивеном Дэвидом в конце XX в. и позднее применена к случаю Исламской Республики Иран (ИРИ) иранским политологом Джафаром Хакпанахом[4]. В противовес классической концепции баланса сил данная концепция ставит во главу угла сохранение государственного режима путем форсирования нейтрализации как внешних, так и внутренних угроз, детерминируя внешнеполитическую стратегию государства логикой выживания элит. На этой основе формируется противодействие Тегерана созданию антииранских коалиций и односторонним действиям конкурирующих держав, а также активно используются географические преимущества страны. По афганскому направлению Иран делает ставку на поддержание стабильности. С учетом баланса внутренних и внешних факторов страна придерживается позиции условного нейтралитета в отношении властей Кабула: Тегеран официально не признает Талибан, но и не выступает за силовое свержение режима.

Согласно анализу Джафара Хакпанаха, адаптированная стратегия омнибалансирования Ирана представляет собой синтез идеологических установок и прагматических соображений. Ее реализация проходит по трем направлениям: 1) поддержка этнических и религиозных групп (прежде всего шиитов) с целью поддержания этнорелигиозного равновесия в Афганистане. Это позволяет Тегерану сохранять влияние среди меньшинств без прямой конфронтации с Кабулом; 2) противодействие трансграничным угрозам (терроризм, экстремизм) при одновременном выстраивании прагматичных отношений с афганскими властями, даже если их политика не соответствует иранским интересам; 3) посредничество в диалоге между глобальными державами, конкурирующими за влияние в регионе. Иран использует этот канал для балансировки интересов и укрепления собственной роли[5]. В результате современные ирано-афганские отношения базируются на следующих принципах: поддержание управляемого уровня напряженности; приоритет «мягкой силы» и использование экономических инструментов; применение региональной дипломатии по афганскому вопросу для предотвращения международной изоляции[6]. Данные принципы являются отражением стратегии омнибалансирования, где сохранение

[4] Хакпанах Д. Политика Ирана в контексте афганского кризиса после 2021 г. // Россия и мир: научный диалог. – 2023. – № 2. – С. 107–117.
[5] Там же.
[6] Наумов А.О., Дхар А.П. «Мягкая сила» и публичная дипломатия Исламской Республики Иран на пространстве Большой Евразии // Вестник Московского Университета. Серия 21. Управление (государство и общество). – 2024. – № 3. – С. 115–133.

внутренней стабильности и целостности диктует необходимость ведения многовекторного диалога. Внешняя политика при этом подчинена национальным интересам. Модель отношений ориентирована не на стратегическое партнерство, а на прагматичный подход: политические связи носят краткосрочный характер.

На современном этапе Исламская Республика Иран сталкивается с комплексом внешних вызовов. С одной стороны, наблюдается усиление давления со стороны западных государств в ближневосточном регионе. С другой – возрастает риск ослабления иранских позиций в Центральной Азии, что угрожает региональной стабильности. В этих условиях стратегические решения Тегерана и выстраивание внешнеполитических альянсов приобретают особую значимость для сохранения территориальной целостности и суверенитета. При этом ключевую роль играет развитие ирано-афганских отношений, которое будет оказывать существенное влияние на баланс сил в центральноазиатском регионе.

Дилемма внутренней стабильности и внешних стимулов в политике Ирана

Современный этап ирано-афганских отношений характеризуется переходом от открытой конфронтации к модели управляемой напряженности[7]. Эта трансформация отражает стремление Тегерана избежать официального признания движения «Талибан», не провоцируя при этом его изоляцию, а также минимизировать внимание к вопросу легитимности афганского режима на международной арене. Ключевой фактор – систематическое дипломатическое взаимодействие, возобновленное с осени 2021 г. Оно позволяет Ирану балансировать между необходимостью сохранения внутренней стабильности и давлением внешних обстоятельств. Мы наблюдаем характерную для Тегерана осторожность в отношениях с Афганистаном после прихода к власти движения «Талибан». На начало 2026 г. единственным визитом иранского министра иностранных дел Аббаса Арагчи в Кабул остается поездка в январе 2025 г. Взаимодействие двух стран сосредоточено преимущественно на пограничных вопросах. Это подтверждает февральская встреча временного поверенного в делах Ирана в Кабуле Алирезы Бекдали с министром Талибана по делам границ, племен и народностей Нуроллой Нури. Обсуждались также ключевые проблемы: наркотрафик и миграция[8]. Иран также стремится к налажи-

[7] Федорова И.Е. Ирано-афганские отношения после прихода талибов к власти в 2021 г. // Вестник Института востоковедения РАН. – 2024. – № 3 (29). – С. 88–94. – DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-088-094.

[8] Посланник Ирана в Кабуле обсудил с талибами пограничные вопросы // Караван Инфо. – 02.02.2026. – URL: https://caravan-info.pro/poslannik-irana-v-kabule-obsudil-s-talibami-pogranichnye-voprosy/ (дата обращения: 09.02.2026).

ванию связей с «кандагарской фракцией» талибов и афганским духовенством: согласно данным афганских источников, около двух десятков иранских советников регулярно выезжают в провинции Афганистана вместе с доверенными эмиссарами маулави Хайбатуллы. Несмотря на позитивную динамику в дипломатических отношениях, сохраняется высокий уровень их напряженности. В феврале 2026 г. разразился дипломатический скандал: Иран потребовал от талибов выдачи гражданина Афганистана Сайеда Шаха Хейдари, подозреваемого в сотрудничестве с МОССАД и причастности к диверсиям в период ирано-израильской войны в июне 2025 г. По данным иранских спецслужб, агент скрылся на территории Афганистана, что Тегеран расценил как удар в спину со стороны своего главного регионального партнера[9]. Этот инцидент стал серьезным испытанием и продемонстрировал отсутствие между сторонами доверительных отношений.

В контексте ирано-афганского взаимодействия стремление Талибана к международному признанию является неоспоримым фактом, а поддержка Тегерана в свою очередь могла бы стать для организации существенным подспорьем в рамках региональных отношений. Однако Иран предпочитает делать ставку на сохранение внутренней стабильности, где вопрос открытой поддержки движения талибов воспринимается достаточно остро[10]. Недавние официальные заявления о готовности «принятия юридического решения в нужный момент» хотя и подают определенные надежды[11], говорить о полноценном признании пока преждевременно: Тегерану важно сохранять переговорные позиции и учитывать внутриполитический контекст. В то же время отсутствие поддержки таджикского населения, хазарейцев и шиитских групп может спровоцировать эскалацию внутриполитического раскола[12]. Сегодня Иран поддерживает требование международного сообщества к Талибану о создании инклюзивного правительства, что отвечает его интересам.

Политика Тегерана по афганскому вопросу преимущественно строится на использовании инструментов «мягкой силы». Так, помощь Афганистану после масштабных землетрясений и поддержка беженцев из Афганистана во время засухи способствуют созданию позитивного имиджа

[9] Серенко А. Иран напал на след МОССАД в Афганистане // Независимая газета. – 12.02.2026. – URL: https://www.ng.ru/world/2026-02-12/2_9436_iran.html (дата обращения: 13.02.2026).

[10] Каледжи В. К вопросу об идеологических платформах иранской политической элиты // Современная наука и инновации. – 2024. – № 3. – С. 114–116. – DOI: 10.37493/2307-910X.2024.3.12.

[11] Тегеран рассматривает официальное признание правительства Афганистана // Афганистан.Ру. – 11.02.2026. – URL: https://afghanistan.ru/doc/151431.html (дата обращения: 13.02.2026).

[12] Потапов Ю.Б. Позиция Ирана по афганскому урегулированию // Дипломатическая служба. – 2022. – № 1. – С. 59–66. – DOI: 10.33920/vne-01-2201-05.

Ирана как государства, нацеленного на добрососедство. Однако в 2024 г. Иран продемонстрировал готовность использовать жесткие меры для обеспечения собственной безопасности. Трансграничные конфликты с Афганистаном и рост потенциала угрозы терроризма на фоне эскалации ирано-израильского противостояния стали следствием развертывания масштабного инфраструктурного проекта по строительству пограничной стены вдоль ирано-афганской и ирано-пакистанской границы. Данный факт коррелирует с миграционным кризисом лета 2025 г., когда по разным данным из Ирана в Афганистан было депортировано от 1,4 до 1,9 млн мигрантов. По этому поводу заместитель министра внутренних дел Ирана Али Акбар Пурджамшидиан в эфире государственного телевидения заявил, что афганцы, незаконно находящиеся на территории Ирана, хотя и являются «уважаемыми соседями и братьями по вере», тем не менее «представляют проблему, которую страна не может больше игнорировать»[13]. Ранее Пакистан проводил аналогичную политику, которую Кабул расценил как суверенное право Исламабада. Эти меры носят превентивный характер и направлены на нейтрализацию угроз, исходящих от афганских акторов. При этом «мягкая сила» остается ключевым инструментом, позволяющим Ирану избегать прямого противостояния.

Стоит отметить культурное значение ИРИ для афганского населения. Иран – страна с богатейшей историей, способная предлагать альтернативные нарративы в противовес западной культурной экспансии[14]. Культурно-историческое наследие Ирана, включая языковое и религиозное родство с Афганистаном, делает его ключевым игроком в вопросах региональной безопасности. Культура и религия выступают ключевыми инструментами стратегии «мягкой силы» в отношении афганских шиитов и представителей ираноязычных этнических групп. Они формируют трансграничные пространства лояльности посредством телевидения, медиа и образовательных программ. Как отмечает российский политолог Лана Раванди-Фадаи, Тегеран проявляет вовлеченность в вопросы положения шиитских общин Афганистана после прихода к власти Талибана, известного своей радикальной религиозной политикой[15]. В рамках своей внешнеполитической стратегии Иран активно использует официальные заявления, в которых подчеркивается необходимость защиты прав этнических и рели-

[13] Гасымлы А. Невиданная депортация: Иран изгоняет миллионы афганцев // Haqqin.az. – 08.07.2025 – URL: https://haqqin.az/news/353438 (дата обращения: 05.02.2026).

[14] Наумов А.О., Дхар А.П. «Мягкая сила» и публичная дипломатия Исламской Республики Иран на пространстве Большой Евразии // Вестник Московского Университета. Серия 21. Управление (государство и общество). – 2024. – № 3. – С. 115–133.

[15] Раванди-Фадаи Л.М. Ирано-афганские отношения, их влияние на региональную стабильность // Афганистан – между прошлым и будущим: на пути к справедливому миру и устойчивому развитию: Материалы Международной конференции, Москва, 23 ноября 2023 года. – Москва: ООО Издательство «Ключ-С». – 2024. – С. 43–46. – DOI: 10.56700/r3979-3430-5908-t.

гиозных меньшинств. Это дает Тегерану возможность оказывать влияние на обеспечение безопасности данных групп и позиционировать себя как государство, отстаивающее принципы гуманизма и социальной справедливости. Таким образом, подобные заявления служат инструментом формирования позитивного международного имиджа Ирана.

Наряду с поддержкой шиитских общин, ключевой целью ценностно-идеологической политики Ирана остается стремление к созданию «единой исламской уммы», что позволило бы ему занять лидирующее положение в исламском мире[16]. Развитие «Шиитского полумесяца» отличается мобилизующим потенциалом и формирует ценностный вектор государства. При этом Иран стремится к расширению этих границ, что можно расценивать как попытку закрепить свою региональную идентичность. В данном контексте омнибалансирование политики проявляется достаточно ярко: сохранение лидерских позиций требует от властей внимания как к шиитам, так и к суннитам. Развивающаяся политика панисламизма может стать основой ирано-афганского сотрудничества при смягчении ключевых геополитических противоречий. Таким образом, культурная политика Ирана в Афганистане – это высокоточный инструмент, способствующий укреплению внутренней легитимности, обеспечению региональной безопасности и формированию глобального позиционирования режима, действующего в условиях системного давления.

Важнейшим аспектом выступают экономические отношения. В условиях санкционного давления Иран придает стратегическое значение восточному направлению. Страна участвует в проекте «Железнодорожный коридор пяти наций» (FNRC), ключевой частью которого является дорога Хаф – Герат, открывающая ей выход на восток. Для Афганистана иранский порт Чабахар (Чехбехар) имеет ключевое значение: он служит альтернативой нестабильному пакистанскому транзиту и обеспечивает доступ к международным водам для экспорта товаров. С экономической точки зрения ирано-афганские отношения характеризуются как прагматичные и стратегически выверенные: обе страны нацелены на извлечение максимальной выгоды.

В рамках концепции омнибалансирования эта экономическая взаимозависимость обретает стратегически значимый характер. Она трансформируется из коммерческого партнерства в инструмент многоуровневого управления угрозами. Во-первых, транзитные коридоры и порт Чабахар обеспечивают Ирану альтернативный маршрут преодоления санкционной блокады, формируя новые источники доходов и логистические коридоры. Во-вторых, интеграция западных афганских провинций в иранскую транспортную сеть способствует созданию зоны экономической стабиль-

[16] Крылов Д.С., Ерманалиева А.Р. Место и роль Исламской Республики Иран в новой геополитической реальности // Ближний и Постсоветский Восток. – 2025. – № 1 (9). – С. 93–103. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.01.08.

ности у границ Ирана. Эта буферная зона снижает риски социальной напряженности и трансграничной преступности, способные привести к дестабилизации приграничных регионов. Таким образом, Иран целенаправленно нейтрализует внутренние угрозы. В результате экономическое вовлечение повышает политические издержки для талибов от конфронтации с Тегераном, поэтапно формируя заинтересованность в сохранении конструктивных отношений.

В контексте реализации стратегии омнибалансирования Исламская Республика Иран уделяет приоритетное внимание развитию регионального сотрудничества. Ключевые направления взаимодействия включают в себя укрепление связей со странами Центральной Азии и развитие диалога с ведущими мировыми державами. Особое значение имеет роль Ирана как потенциального посредника в урегулировании ситуации в Афганистане. Данная позиция основывается на поддержании нейтрального статуса в отношении афганских властей и готовности к прагматичному взаимодействию с движением «Талибан» без официального признания его легитимности. Такой подход позволяет Ирану реализовать многосторонний план сотрудничества и сохранить устойчивые позиции в регионе. На современном этапе Иран позиционирует себя посредником и гарантом региональной безопасности, участвуя в переговорных форматах по урегулированию афганского кризиса. Стремясь к международной вовлеченности, Тегеран нацелен прежде всего на контроль потенциальных рисков и формирование альтернативных Западу центров силы, способных к диалогу. Как видно, для Кабула инициативы иранской стороны не имеют существенного практического значения. Это подтверждается отсутствием афганской делегации в рамках многостороннего диалога стран Центральной Азии, России и Китая в декабре 2025 г. Официальные комментарии по данному поводу отсутствуют. Однако для Ирана участие в подобных переговорных процессах имеет существенные выгоды, так как для России и Китая Иран сохраняет геополитическую значимость, выступая в качестве ключевого партнера в сфере безопасности. Представитель иранского МИД Исмаил Бакаи подчеркивает: «Исламская Республика Иран придает фундаментальное значение безопасности и стабильности в соседних странах и в связи с этим прилагает все усилия для снижения напряженности между странами региона и укрепления взаимопонимания между ними»[17].

С точки зрения теории омнибалансирования активная многосторонняя дипломатия Ирана представляет собой сложный механизм перевода внешних вызовов в политический капитал. Это направлено на достижение двух целей: обеспечение внутренней стабильности политической

[17] The Islamic Republic of Iran attaches fundamental importance to the security and stability of neighboring countries: Press release // Ministry of Foreign Affairs of the Islamic Republic of Iran. – 11.12.2025. – URL: https://en.mfa.gov.ir/portal/newsview/779764 (дата обращения: 09.02.2026).

системы и укрепление позиций в региональной системе отношений. Ключевыми инструментами выступают Московские консультации по Афганистану и диалог ШОС по региональной безопасности. Благодаря участию в этих форматах Иран балансирует между влиятельными конкурентами (Турция, Пакистан, Саудовская Аравия) и препятствует одностороннему урегулированию афганского кризиса. Таким образом, инициативное участие в переговорах способствует реализации главного принципа омнибалансирования – формированию сети альянсов. Это позволяет государству сохранять маневренность и противостоять комплексному воздействию внутренних и внешних угроз.

Перспективы развития ирано-афганских отношений

В рамках реализации стратегии многовекторного балансирования Исламская Республика Иран добивается тактической эффективности в сфере минимизации рисков для внутренней политической системы. Прагматичный подход к решению вопросов безопасности и трансграничного взаимодействия позволяет поддерживать диалог с Афганистаном, несмотря на идеологические различия. При этом следует отметить, что указанная стратегия носит краткосрочный характер и обеспечивает лишь временное равновесие. Она не способствует формированию последовательной официальной позиции Ирана, базирующейся на принципах надежности и ответственности. Принимая во внимание устойчивость действующего афганского режима, Исламская Республика Иран вынуждена искать новые подходы к развитию двустороннего сотрудничества. Это обусловлено необходимостью предотвращения угрозы утраты доверия как со стороны центральных органов власти Афганистана, так и со стороны шиитских сообществ страны.

В среднесрочной перспективе развитие ирано-афганских отношений, скорее всего, будет определяться динамикой трех взаимосвязанных факторов. Ключевым останется вопрос о степени признания: будет ли готов Иран, по примеру России, двигаться к де-юре легитимации талибов в обмен на конкретные гарантии безопасности, либо сохранит нынешнюю модель «функционального непризнания», что может привести к замедлению диалога. Во-вторых, критическую роль сыграет эволюция самой модели омнибалансирования, с переходом от реактивной к проактивной политике, позволяющей Тегерану реконструировать региональную систему безопасности Центральной Азии и перейти к углубленной интеграции. Заключительным фактором является крайне неустойчивый внешний контекст взаимодействия, где новая дестабилизация в Афганистане или активное сближение мировых держав и среднеазиатских стран в обход Тегерана, будут требовать незамедлительной реакции от иранских властей, что создает сложности с адаптацией стратегий.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что нынешняя стратегия Исламской Республики Иран является обоснованной. В условиях усиления внешнего давления со стороны западных государств Иран испытывает объективную необходимость в формировании союзов, обеспечивающих ему возможность играть значимую роль в региональных процессах. При этом первостепенной задачей иранских властей выступает построение устойчивых, предсказуемых и институционально оформленных двусторонних отношений. Реализация данной задачи возможна лишь при условии готовности Тегерана к принятию роли ключевого актора в формировании региональной системы безопасности.

Список источников и литературы

1. Гасымлы А. Невиданная депортация: Иран изгоняет миллионы афганцев // Haqqin.az. – 08.07.2025 – URL: https://haqqin.az/news/353438 (дата обращения: 05.02.2026).
2. Ибрагимов С. Иран: региональная стратегия и внутренние проблемы. Поддержка шиитов на Ближнем Востоке // Красная весна. – 08.08.2024. – URL: https://rossaprimavera.ru/article/3c450546 (дата обращения: 09.02.2026).
3. Каледжи В. К вопросу об идеологических платформах иранской политической элиты // Современная наука и инновации. – 2024. – № 3. – С. 114–116. – DOI: 10.37493/2307-910X.2024.3.12.
4. Крылов Д.С., Ерманалиева А.Р. Место и роль Исламской Республики Иран в новой геополитической реальности // Ближний и Постсоветский Восток. – 2025. – № 1 (9). – С. 93–103. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.01.08.
5. Мамедов Р. Дипломатия сделок: новая эра на Ближнем Востоке // Клуб «Валдай». – 30.01.2026. – URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/diplomatiya-sdelok-novaya-era-na-blizhnem-vostoke/ (дата обращения: 09.02.2026).
6. Мачитидзе Г.Г. Иран – «Талибан»: сравнительный анализ этапов отношений // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2022. – № 6. – С. 112–123. – DOI: 10.31857/S086919080023373-7.
7. Наумов А.О., Дхар А.П. «Мягкая сила» и публичная дипломатия Исламской Республики Иран на пространстве Большой Евразии // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). – 2024. – № 3. – С. 115–133.
8. Нессар О.М. Афгано-иранские отношения при талибской власти // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». – 2025. – № 6. – С. 84–104.
9. О приостановлении террористического статуса Движения талибов. Сообщение для СМИ (17.04.2025) // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. – 17.04.2025. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2009744/ (дата обращения: 14.02.2026).

10. Посланник Ирана в Кабуле обсудил с талибами пограничные вопросы // Караван Инфо. – 02.02.2026. – URL: https://caravan-info.pro/poslannik-irana-v-kabule-obsudil-s-talibami-pogranichnye-voprosy/ (дата обращения: 09.02.2026).
11. Потапов Ю.Б. Позиция Ирана по афганскому урегулированию // Дипломатическая служба. – 2022. – № 1. – С. 59–66. – DOI: 10.33920/vne-01-2201-05.
12. Раванди-Фадаи Л.М. Ирано-афганские отношения, их влияние на региональную стабильность // Афганистан – между прошлым и будущим: на пути к справедливому миру и устойчивому развитию: Материалы Международной конференции, Москва, 23 ноября 2023 года. – Москва: ООО Издательство «Ключ-С». – 2024. – С. 43–46. – DOI: 10.56700/r3979-3430-5908-t.
13. Сенякина Н.В. Перспективы развития ирано-афганских отношений после вывода американских войск из ИЭА и реставрации режима талибов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 11–3 (86). – С. 173–175. – DOI: 10.24412/2500-1000-2023-11-3-173-175.
14. Серенко А. Иран напал на след МОССАД в Афганистане // Независимая газета. – 12.02.2026. – URL: https://www.ng.ru/world/2026-02-12/2_9436_iran.html (дата обращения: 13.02.2026).
15. Тегеран рассматривает официальное признание правительства Афганистана // Афганистан.Ру. – 11.02.2026. – URL: https://afghanistan.ru/doc/151431.html (дата обращения: 13.02.2026).
16. Федорова И.Е. Ирано-афганские отношения после прихода талибов к власти в 2021 г. // Вестник Института востоковедения РАН. – 2024. – № 3 (29). – С. 88–94. – DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-088-094.
17. Хакпанах Д. Политика Ирана в контексте афганского кризиса после 2021 г. // Россия и мир: научный диалог. – 2023. – № 2. – С. 107–117.
18. The Islamic Republic of Iran attaches fundamental importance to the security and stability of neighboring countries // Press release Ministry of Foreign Affairs of the Islamic Republic of Iran. – 11.12.2025. – URL: https://en.mfa.gov.ir/portal/newsview/779764 (дата обращения: 09.02.2026).